

ВЕСНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЛЬФАКТОРНЫХ ОЩУЩЕНИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА М. М. ПРИШВИНА

Н. А. Бородина, М. Ю. Иванова

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 23 августа 2019 г.

Аннотация: в статье представлено одорическое описание весны в индивидуально-авторской картине мира М. М. Пришвина. Авторами выявлены особенности восприятия писателем этого времени года, проявившиеся в выборе языковых средств выражения семантики «Запах», охарактеризованы компоненты ольфакторной ситуации.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, индивидуально-авторская картина мира, весна, перцепция, запах, ольфакторная лексика.

Abstract: the article presents the odoristic description of spring in the individual author's world model of M. M. Prishvin. The authors found out the peculiarities of the writer's perception of this time of the year, manifested in the choice of linguistic means of expressing the semantics «Smell», characterized the components of the olfactory situation.

Keywords: M. M. Prishvin, individual author's world model, spring, perception, smell, olfactory vocabulary.

Феномен запаха не раз становился объектом научных изысканий. Его природа и свойства, процессы образования и механизмы восприятия привлекают внимание биологов и химиков, антропологов и психологов, семиотиков и культурологов, философов и социологов, историков и экономистов, криминалистов и парфюмеров, литературоведов и специалистов из других областей.

«Грамматика» ароматов интересна и лингвистам: изучаются лексические единицы, формирующие лексико-семантическое поле «Запах»; анализируются синтаксические конструкции, означаемым которых выступает ситуация ольфакторного восприятия; выделяются и рассматриваются метафорические номинации и, прежде всего, синестические переносы; определяется специфика функционирования одоративной лексики в разных типах дискурса, в идиолекте конкретного автора; исследования выполняются в русле лингвоконцептологии, лингвокультурологии, теории и практики перевода, в синхроническом и диахроническом аспектах, на материале разнотурных языков (см. эти [1] — [12] и другие работы).

Цель статьи — охарактеризовать одорическую картину весны в литературном наследии М. М. Пришвина [13].

Любимым временем года писателя была весна, которая стала «неизменным спутником» всей его жизни, по меткому замечанию В. Г. Лидина [14, 123]. Наблюдения за непрерывным калейдоскопом природных явлений позволили М. М. Пришвину разра-

ботать собственный фенологический календарь, согласно которому весна света (неодетая весна), когда увеличивается долгота дня, сменяется весной воды (весной половодья) с таянием снегов, журчанием ручьев и разливом рек, а за весной воды приходит весна зеленых покровов и цветов (зеленеющая весна).

Ольфакторные картины весны у писателя точны и соответствуют процессам, происходящим в окружающей среде. Под воздействием горячих солнечных лучей начинает интенсивно испаряться влага, скопившаяся за долгие зимние месяцы, вследствие этого воздух насыщается неповторимой гаммой ароматов, свойственной только данному времени года. Она складывается из запахов, идущих от звонкой капли, тающего снега, обнажающейся земли, прошлогодней листвы, пробивающейся молодой травы, согретой солнцем коры, смолистых почек, раскрывающихся клейких листочков и распускающихся цветов. Например: ... это был день весны света, когда днем около полдня во всем городе летят золотые капли с сосулек и от них пахнет живой водой (Неодетая весна); Весь южный склон леса в таких темных душистых проталинах (Дневники. 1909 г. 21 марта); После дождя горячее солнце создало в лесу парник с одуряющим ароматом роста и тления: роста березовых почек и молодой травы и тоже ароматного, но по-другому, тления прошлогодних листьев (Лесная капель); Пахнуло цветущим садом, сиренью (Крутоярский зверь).

Одорически значимым для М. М. Пришвина является не только наличие запаха, но и его изменение или отсутствие.

Сильный запах любки двулистной днем, обычно выделяющей пахучие вещества в вечернее и ночное время суток, — сигнал того, что весна закончилась, а лето началось: *Сегодня я вышел для маленькой прогулки с собакой, взял в руку **ночную красавицу, понюхал при солнечном свете. Она сильно пахла. Я сказал: «Довольно бродить, весна прошла»*** (Календарь природы).

Похолодание, наступившее после разворачивания листа у дуба, приводит к снижению летучести ароматических соединений, поэтому запах цветов не ощущается: *... вдруг похолодело, замерло, **перестали пахнуть цветы. Это значило, что наконец-то старый дуб стал в себя приходить и зеленеть*** (Кашеева цепь).

Анализ нашей картотеки примеров показал, что при небольшом количестве единиц обонятельной лексики, системно закрепленных в русском языке, не все члены лексико-семантического поля «Запах» представлены в ольфакторных описаниях весны у М. М. Пришвина. Он использует следующие относящиеся к разным частям речи слова: имена существительные (*аромат, запах*), имена прилагательные (*ароматный, вонючий, душистый, пахучий* и др.), глаголы и глагольные формы (*пахнут, запахнут, пахнут, пахнувший, нюхать, понюхать, чуют, почувать* и др.). Здесь следует указать на превалирование одоронима *аромат*, в содержательной структуре которого присутствует сема 'приятный', над базовой нейтральной лексемой *запах* в идиолекте М. М. Пришвина. Данный факт, на наш взгляд, позволяет говорить об особо трепетном, любовном отношении писателя к этому времени года.

Как свидетельствуют результаты научных исследований, в которых рассматривается ольфакторная ситуация, при ее описании необходимо обратить внимание на лицо, воспринимающее запах, процесс его перцепции, возникновения, проявления и распространения, источник запаха, его свойства [4; 8; 11; 12]. Охарактеризуем языковое выражение этих компонентов в собранном фактическом материале.

Феномен запаха как субъективно-объективного единства [11, 12] предопределяет наличие перцептора: ***Я** согнал его щелчком, а всю ветку протянул к себе, и припал к ней лицом своим, и **вдыхал в себя аромат*** (Глаза земли. Зеркало человека).

При репрезентации закадрового плана восприятия запаха, переходя в ранг наблюдателя [11, 12–13], в нашей картотеке он представлен формами косвенных падежей или, чаще всего, имплицитован. Отметим, что датив подчеркивает инактивность, пассивность восприятия запаха, а форма *на* + винительный падеж — сильное воздействие [12, 32]. Ср.: ***Только весной из проталин пахнет землей, а осенью снегом. Так непременно бывает: мы привыкаем к снегу зимой, и весной нам пахнет земля ...*** (Календарь природы); ***Я остановился: и вот пахнуло на меня***

от земли (1 нрзб.) ***знакомым теплым запахом, как может пахнуть только родная земля*** (Дневники. 1909 г. 21 марта).

Кроме того, на воспринимающий субъект может указывать локатив. Так, в высказывании *Теплой ночью даже в тюрьму через форточку ветер нагнал аромат, смолистый аромат березы и тополя* (Кашеева цепь) предложно-падежная форма *в тюрьму* обозначает замкнутое пространство — место сосредоточения запаха, а заключенные и надзиратели, соответственно, — неназванные субъекты восприятия, находящиеся в нем.

В вербализации ольфакторной ситуации весны у М. М. Пришвина задействованы прежде всего предикаты активного, целенаправленного восприятия запаха (*нюхать, понюхать*), пассивного восприятия запаха (*чуют, почувать*), проявления запаха (*пахнут, запахнуть* и *издавать* в значении 'испускать запах'), охватывания запахом (*пахнут*): *Необыкновенными цветами убранныю представлял я себе на юге весну, и цветы эти **пахнут** особенно: **понюхаешь** — и сразу о всем догадаешься...* (Славны бубны); *... природа лежит вся в грязи, а **мы** уже **чуем запах молодой коры** и сквозь ветви неодолего леса видим небесную бирюзу* (Глаза земли. Раздумья).

В отдельных одорически значимых фрагментах также используются глаголы наполнения (*нагружаться, насыщать, пропитать*), физиологического действия (*дышать, вдыхать*), физического и психологического воздействия (*душить, одурять*), движения и перемещения (*гонять, нагнать, наносить, уносить*), качественного изменения (*испортить*), речевой деятельности (*заговорить*), помещения (*окружать*). Например: *Тепло и дожди обратили нашу природу в парник, **воздух насыщен ароматом молодых смолистых листов тополей, берез и цветущей ивы*** (Фацелия), где *насыщен* имеет значение 'пропитан пахучим веществом'; *... если **заговорили деревья разных пород ароматом своей коры, то, значит, есть в березах движение сока, и нечего портить березу*** (Глаза земли. Зеркало человека), где *заговорить* метафорически передает значение 'начать пахнуть'; ***Чистый запах снега на солнце уносит вас в лазурь, к первым летним кучевым облакам*** (Кашеева цепь), где *уносить* — 'увлекать силой запаха'.

М. М. Пришвиным в равной степени используются как двусоставные, так и односоставные безличные предложения, в которых предикат эксплицитно ольфакторную ситуацию. Ср.: *Наверху в ветвях все пели соловьи, **и пахло, душило сиренью ... — Пахла, душила сирень*** (Крутоярский зверь). Синтаксис русского языка обладает большой гибкостью, которая позволяет выразить тонкие семантические оттенки с помощью разных структурных типов предложений. Так, в приведенных и схожих на первый взгляд примерах номинируются разные экстралингвистические ситуации. Если в двусоставном предложении

объективируется ситуация «локативный субъект — состояние природы, проявляемое запахами», то в односоставном кодируется ситуация «субъект — его инобытие (испускание запаха)».

В текстах М. М. Пришвина в качестве номинантов источников, проявляющих себя запахом весной, выступают различные по семантике имена.

Абсолютное большинство составляют лексемы, связанные с растительным миром, миром флоры. Это общие наименования растительных организмов как представителей определенного царства (*дерево, куст, мох, трава*); наименования частей растений, их органов (*листок, листья, листья, листва, сучья, ствол, кора, почки, цветок, цветы, соцветия*); наименования веществ, содержащихся в растениях (*сок, смола*); наименования растительных массивов как природных, так и окультуренных (*аллея, сад, лес, чаща*); наименования конкретных разновидностей деревьев, кустарников, трав (*акация, береза, ива, каштан, сосна, тополь, черемуха, ясень; багульник, волчье лыко, жасмин, сирень, смородина; бубенчик, ландыш, крапива, ночная красавица*).

Реже встречаются лексемы, обозначающие предметы и явления неживой природы. Среди них выделяются названия агрегатных состояний воды (*снег, сосульки*); название состояния окружающей среды (*мороз*); названия земной поверхности или ее части (*земля, болото, проталина*); название органических веществ (*навоз*).

Единичны абстрактные существительные (*жизнь, мысль, свет*), выступающие носителями запаха в индивидуально-авторской картине мира писателя.

Частотность и широкая репрезентативность слов первой группы объясняется значимостью для носителя русской культуры одорического кода растительных организмов, распространенных на территории нашей страны и используемых в разных целях [11, 14].

Так как в текстах М. М. Пришвина ольфакторная картина весны представлена в динамике, номинанты источников запаха изменяются в зависимости от фазы этого времени года. Например: *Великие дни весны света: разгар полдней, утренний аромат снега, мороза и света* (Дневники. 1933 г. 10 марта); *Лес не одет, пахнет корой и березовым соком* (Глаза земли. Зеркало человека); *Везде пахло черемухой* (Календарь природы).

В произведениях М. М. Пришвина запахи весны получают оценку со стороны воспринимающего субъекта по разным основаниям: по качеству и интенсивности проявления, по вызываемому отношению и оказываемому воздействию. С этой целью используются следующие языковые средства: именные, адъективные и адвербиальные лексемы, обособленные члены предложения, предикативные единицы.

Остановимся на реализации ольфакторных признаков весны в индивидуально-авторской картине

мира писателя подробнее, приведем конкретные примеры и прокомментируем их.

В качестве квалификатора запаха у М. М. Пришвина часто выступает имя существительное в творительном падеже. Например: ... *все деревья запахли корой своей и почками* (Кладовая солнца) — древесные растения проявляют себя запахами именно наружного покрова стволов и зачатков побегов, а не цветов; *Черемуха облетает и пахнет медом* (Глаза земли. Зеркало человека) — фитониму приписывается сладкий аромат, напоминающий по обонятельным ощущениям запах меда.

Качество запаха может конкретизироваться и определителями адъективного характера: ... *теперь раскрываются почки и пахнут смолистыми ароматами* ... (Фацелия); *В этом так хорошо знаком мне аромате тут был еще особенный теплый запах — «не навоза ли?» подумалось, но нет, навоз — это грубо, разве грибы?* (Дневники. 1935 г. 30 мая). В первом примере оценка запаха производится с помощью прилагательного *смолистый* — ‘отдающий смолой’, а во втором — синестемой *теплый* в значении ‘приятный для обоняния’.

При описании ольфакторных свойств источника запаха указываются вызываемые им гедонистические ощущения.

Запах небольшого кустарника семейства волчниковых трактуется мастером слова амбивалентно. Ср.: *Среди этой зелени прошлого года кое-где виднелись новые цветочки белого подснежника и лиловые, мелкие, и частые, и ароматные цветочки волчьего лыка. — Они хорошо пахнут, попробуй, сорви цветочек волчьего лыка, — сказал Митраша* (Кладовая солнца) — ... *цветок волчьего лыка издали пахнет чудесно, как гиацинт, но стоит его поднести к носу поближе, то запахнет так худо, хуже, чем волком* (Лесная капель). С одной стороны, использование адъективной лексемы *ароматный*, в значении которой присутствует сема ‘приятный’, адвербиального конкретизатора *хорошо*, выбор в качестве запаха-ориентира аромата гиацинта позволяют выразить положительную оценку. С другой стороны, сравнение с резким запахом, исходящим от животного, подчеркивает его неприятность для восприятия.

В приведенном ниже примере отрицательная оценка запаха навоза, эксплицитно выраженная одоративной лексемой *вонючий*, усиливается благодаря предикату *испортить*: *Привезли вчера для удобрения клубники птичий навоз, такой вонючий, что он испортил майский воздух, из-за которого я, может быть, здесь и живу* (Глаза земли. Раздумья).

Высокая степень проявления запаха, его положительная оценка маркируется одоронимами *пахучий, душистый* — ‘обладающий приятным сильным запахом’: *Весь южный склон леса в таких темных душистых проталинах; Откуда они ... из леса ... из снега ... улетели на небо, а тут остались темные*

пахучие проталины (Дневники. 1909 г. 21 марта).

В высказывании *Иду белой тропой по крапивной заросли, так сильно пахнет крапивой, что все тело начинает чесаться* (Лесная капель) интенсивность запаха крапивы настолько велика, что вызывает ощущение болезненного зуда, как от соприкосновения с этим жгучим травянистым растением. Именно поэтому она помимо наречия *сильно* дополнительно маркируется придаточным предложением, осуществляющим перенос из области осязания на область обоняния.

Или другой пример: *Аромат на всю улицу* (Дневники. 1951 г. 1 апреля), в котором на высокую степень распространения запаха, заполняющего все пространство между домами, указывает именное словосочетание *на всю улицу*.

Запах может определяться М. М. Пришвиным по разным параметрам. Например: *Настенька вся сжалась от холода, и в болотной сырости пахнул на нее резкий, одуряющий запах багульника* (Кладовая солнца). На негативную оценку и силу проявления запаха багульника, выраженную лексемой *резкий*, накладывается его отрицательное воздействие на человека, заключающееся в лишении способности воспринимать окружающее, мыслить здраво и вербализованную лексемой *одуряющий*.

Одородическая сфера у М. М. Пришвина тесно связана с когнитивными процессами. Запахи, по его словам, являются *«термосом нашей души»* (Дневники. 1937 г. 13 мая). Они вызывают определенные представления, ассоциации, картины из прошлого, возвращают к давно забытым событиям: *Возьмешь одну почку, разотрешь между пальцами, и потом долго все пахнет тебе ароматной смолой березы, тополя или особенным воспоминательным запахом черемухи: вспоминаешь, как, бывало, забирался наверх по дереву за ягодками, блестящими, чернолаковыми, и ел их горстями прямо с косточками, и почему-то от этого никогда ничего, кроме хорошего, не бывало* (Фацелия).

В рассказе «Крутоярский зверь» запах цветущей сирени порождает у Павлика Верхне-Бродского смутные воспоминания: *Но сам все лежал и смотрел на крючок и дышал сиренью, стараясь вспомнить, чем она пахнет: в этом запахе было что-то забытое, неузнанное и неразгаданное, внизу под слоем приятного запаха чудилось что-то темное и страшное* (Крутоярский зверь).

Для М. М. Пришвина особым *«воспоминательным»*, возвращающим в детство, но в то же время трудно определимым ароматом обладает черемуха. Он, по мнению автора, заложен в генетической памяти русского народа, является одной из *«составляющих нашего чувства родины»*: *В запахе одной только черемухи соединяешься со всем прошлым* (Лесная капель).

Ольфакторные образы весны, создаваемые мастером слова, апеллируют к жизненному опыту чи-

тателей. Так, экстралингвистические знания помогают правильно интерпретировать как эксплицитно выраженный, так и имплицитный смысл следующего высказывания: *На молодых березках листья уже большие и пахнут Троицей* (Дневники. 1907 г. 5 мая). Запах березовых листьев напоминает о христианском двенадцатом переходящем празднике Пятидесятнице, завершающем весенний цикл народного календаря и знаменующем начало лета. Согласно традициям на Троицу храмы, дома, постройки украшаются зелеными ветвями березы [15, 320].

Таким образом, анализ собранного языкового материала позволяет говорить о значимости одорического кода в описаниях весны у М. М. Пришвина, которые без указания запаха, его идентификации и характеристики будут неполными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаева Е. Г. О некоторых особенностях становления одоративной метафорической микросистемы русского языка / Е. Г. Басалаева // Сибирский филологический журнал. — 2011. — № 4. — С. 192–199.
2. Бельская Т. И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Т. И. Бельская. — М., 2010. — 26 с.
3. Брылеева Р. Ф. Функционально-семантическое исследование ольфакторной лексики в русском, французском и башкирском языках: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Р. Ф. Брылеева. — Уфа, 2016. — 26 с.
4. Вальваков Р. В. Ситуация ольфакторного восприятия как объект межъязыковой передачи (на материале художественных текстов М. А. Шолохова и их переводов на английский язык) / Р. В. Вальваков // *Lingua mobilis*. — 2013. — № 2 (41). — С. 7–19.
5. Галлерт Д. Н. Способы выражения категории «запах» в современном английском языке: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Д. Н. Галлерт. — М., 2009. — 27 с.
6. Дроботун А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / А. В. Дроботун. — М., 2006. — 23 с.
7. Колупаева А. А. Концепт *запах* и способы его репрезентации в русском языке: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / А. А. Колупаева. — Тамбов, 2009. — 23 с.
8. Куликова Н. А. Одорический код в художественном тексте: лингвоэвokedационное исследование (на материале художественной прозы А. П. Чехова): автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Н. А. Куликова. — Барнаул, 2010. — 17 с.
9. Молодкина Ю. Н. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование): автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Ю. Н. Молодкина. — Курск, 2010. — 20 с.
10. Одинцова М. В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля *запах* в произведениях И. А. Бунина (аспекты номинации и предикации): автореферат дис. ... кандидата филол. наук / М. В. Одинцова. — М., 2008. — 27 с.

11. Павлова Н. С. Лексика с семей 'запах' в языке, речи и тексте: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Н. С. Павлова. — Екатеринбург, 2006. — 18 с.

12. Человек как субъект и объект восприятия: фрагменты языкового образа человека / под ред. Н. Д. Федяевой. — 3-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 137 с.

13. Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8-ми т. / М. М. Пришвин. — М.: Художественная литература, 1982–

1986.

14. Лидин В. Г. М. Пришвин / В. Г. Лидин // Воспоминания о Михаиле Пришвине. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 123–127.

15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. — Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). — М.: Междунар. отношения, 2012. — 736 с.

*Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
Бородин Н. А., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, методики его преподавания
и документоведения
E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru*

*Иванова М. Ю., кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского языка, методики его преподавания и до-
кументоведения
E-mail: ivanova2112@rambler.ru*

*Bunin Yelets State University
Borodina N. A., Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of Department of Russian Languages,
Methods of Its Teaching and Document Science
E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru*

*Ivanova M. Yu., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor of Department of Russian Languages, Methods of Its
Teaching and Document Science
E-mail: ivanova2112@rambler.ru*